

Свободу детям и извращенцам

Жюли Реше

Профессор философии, директор, Институт психоанализа,
Глобальный центр передовых исследований. Адрес: 150 Broadway #1208,
New York, NY 10038, USA. E-mail: julie.reshe@gmail.com.

Ключевые слова: ребенок; взрослый; извращение;
здоровый смысл; Жиль Делёз; Фридрих Ницше; игра;
Эразм Роттердамский; эмансипация.

В общественном сознании концепт «ребенка» имеет особый, священный статус и потому наилучшим образом раскрывает механизмы функционирования здравого смысла. Делёз понимал здоровый смысл как набор застывших и, следовательно, неосмысливаемых истин. Психоаналитически ребенок — это «полиморфно-перверсное» существо. Эта характеристика подходит для определения ребенка и в более широком контексте, чем сексуальность. Этимологически слово «перверсия» означает отклонение от доктрины, провозглашенной истинной. Ребенок репрезентует незафиксированность сексуальной идентичности, в то время как взрослый — ее фиксированность. То есть ребенок — это тот, кто еще не стал нормальным, в отличие от взрослого, которому это уже удалось. Соответственно, ребенок по определению противостоит здравому смыслу, а здоровый смысл — ребенку.

Автор статьи следует призыву Мишеля Фуко извратить здоровый смысл: используя в качестве примера концепт ребенка, иллюстрирует процесс трансформации понятий, а значит, и оперирующего ими мышления из застывшего и не подлежащего критике состояния в модальность свободной и осознанной модификации. С этой целью к статье подключается концепт игры Фридриха Ницше. По Ницше, ребенок — это тот, кто способен играть со всем, что до этого почиталось как священное и считалось неприкосновенным. Движение игры представляет собой процесс преобразования реальности, значения которой уже сформированы, в реальность, в которой значения формируемы. Игра представляет собой опасность для устоявшегося здравого смысла тем, что она всегда остается областью, над которой он не властен.

В ОБЫДЕННОЙ жизни мы употребляем слово «ребенок», не задумываясь. Его смысл кажется нам само собой разумеющимся. Понятия, которые считаются очевидными, то есть не требующими определения, составляют область традиционного общественного знания, которую мы назовем *здоровым смыслом*.

Отношение к понятиям, конституирующим здоровый смысл, характеризуется иррациональной убежденностью в том, что их значения известны и нет никаких разногласий о том, каковы они. Однако эта убежденность безосновательна, что подтверждается сопротивлением, с которым сталкивается любая попытка критического анализа традиционного. Фактически истинность знаний из области здравого смысла не подтверждена ничем, кроме их принадлежности к данной категории.

Таким образом, здоровый смысл представляет собой коллекцию неоспоримых мифов, предрассудков и народных мудростей, критика которых вызывает болезненную реакцию общества. В наибольшей степени эта реакция проявляется при критике концепта ребенка, что свидетельствует о его сакральном статусе. Именно поэтому анализ данного концепта наилучшим образом раскрывает механизмы функционирования здравого смысла.

Здоровый смысл

Комментируя в статье *Theatrum philosophicum* две работы Жюль Делёза, «Логика смысла»¹ и «Различие и повторение»², Мишель Фуко делает конструктивное предложение:

Давайте же извратим здоровый смысл и позволим мысли разыгрываться по ту сторону упорядоченной таблицы сходств³.

1. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
2. Он же. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.
3. Фуко М. *Theatrum philosophicum*// Делёз Ж. Логика смысла. С. 459.

Чтобы понять, что Делёз считает здравым смыслом, почему Фуко видит острую потребность в его извращении и как это последнее связано с игрой, следует начать с рассмотрения таких понятий Делёза, как оседлый *nomos* и кочевой *nomos*.

Оседлый *nomos* — это пространство, в котором распределение поверхности происходит посредством фиксации границ. Именно оседлый *nomos* является пространством здравого смысла. Смыслы в нем неподвижны: за каждым словом закреплено определенное значение. Оседлое распределение поддерживается благодаря жесткой структуре и четко организованному порядку.

В противоположность оседлому кочевой *nomos* характеризуется текучестью и нефиксированностью смыслов. Кочевой тип распределения задействует подвижность значений. Смыслы слов здесь не имеют точных границ, они смещаются, оставляя старые территории и осваивая новые. В кочевом *nomos*'е слова являются элементами процесса, а не статики. Статика губительна для кочевого распределения, так как основное свойство кочевого *nomos*'а — непрерывная изменчивость.

Смыслы здесь не распределяют между собой территорию, а используют ее как пространство, в котором становится возможным перемещение.

Здесь уже больше нет раздела распределяемого, но, скорее, распределение распределяющихся в пространстве⁴.

В кочевом распределении нет места смертельной серьезности, которая возможна лишь в том случае, когда за каждым словом закреплено фиксированное значение. Кочевой *nomos* является пространством игры. Смертельная серьезность — это элемент божественного порядка («среди богов у всякого свое владение, своя категория, свои атрибуты»⁵), поэтому игра — принцип, противостоящий божественному.

Такое распределение скорее демоническое, чем божественное, поскольку особенность демонов в том, что они действуют в промежутках полей деятельности богов, перескакивая, например, через барьеры и огражденные участки и нарушая собственность⁶.

4. Делёз Ж. Различие и повторение. С. 55.

5. Там же.

6. Там же. С. 56.

Оседлому распределению соответствует мышление представления, основанное на узнавании: «это стол, это яблоко, это кусок воска, здравствуй, Теэтет»⁷. Это оперирование выученными смыслами слов. Таким образом, являясь частью оседлого *пото́с*'а, здравый смысл представляет собой пассивный режим употребления значений, исключая возможность их модификации.

В противоположность пассивному активный режим задействует возможность модифицировать значения. Активная позиция соответствует использованию общепринятых смыслов как материала для игры, то есть оперирования ими в пространстве, в котором они становятся модифицируемыми.

Извращать — значит использовать знакомое необычным и неестественным способом, поступать с ним ненормально, тем самым нейтрализуя власть нормализации. Французское *pervertir* происходит от латинского *pervertere*, означающего «извратить, испортить, исказить» (первоначально — религиозные верования). Соответственно, изначально извращенец — это отступник, тот, кто отрекся от доктрины, провозглашенной истинной.

Когда же слово «перверсия» сместилось в контекст сексуальности, оно стало означать «неестественный акт, совершаемый вопреки природе... гнусный и отвратительный»⁸.

Извращенец — это тот, чье сексуальное поведение противоречит установленным нормам. Такое понимание предполагает, что сфера человеческой сексуальности — это неизменный природный феномен, функционирующий в соответствии с естественными законами, отклонение от которых противоестественно, а значит, недопустимо. В рамках понимания сексуальности как природной неизменной данности перверсия, как отклонение от естественного, строго осуждается. Более того, она угрожает такому пониманию, так как является механизмом модификации сферы сексуальности, изобличающим ее как трансформируемый социальный конструкт.

Здравый смысл — это такой модус функционирования слов, в котором каждому из них приписывается «правильное» неизменное значение. Извращение же здравого смысла означает извлечение слов от вменяемой им истины, освобождение от «правильного» значения. Перверсия здравого смысла переводит слова

7. Там же. С. 169.

8. Kinsey A. C. *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia: Saunders, 1948. P. 264.

из пространства оседлого *пotos'*а в модификационное пространство игры кочевого *пotos'*а, превращая их в игрушки.

Ребенок

Та часть реальности, которая в рамках здравого смысла лаконично обозначается словом «ребенок», вне этого обозначения существует как подвижная неопределенность. Свойством этой реальности является высокая степень модифицируемости, которая выражена в таких качествах ребенка, как игривость, обучаемость и парасексуальность. Однако все эти качества представляют угрозу для тяготеющего к неизменности здравого смысла.

Несмотря на то что эти свойства включены в традиционный концепт ребенка, они являются его частью лишь на тех условиях, что сам факт их включенности в данный концепт обезвреживает их. Это происходит следующим образом.

Конституирующие концепт ребенка смыслы, которые несут опасность для устоявшегося здравого смысла, оказываются нейтрализованы одной деталью: детство когда-то закончится. Здравый смысл обезвреживает детство, акцентируя как наиболее значимую именно эту деталь. Временная природа детства отделяет его от взрослого мира, а значит, и все опасности, которые оно в себе таит, оказываются изолированными до тех пор, пока угроза не исчезнет.

Ребенок — это варвар, он еще не приобщился к здоровому смыслу, поэтому обыденное сознание заинтересовано в том, чтобы он стал к нему причастен, то есть стал взрослым. Концепт ребенка, являясь частью обыденного сознания, функционирует как механизм превращения подвижности в стабильность.

Взрослый — это окончательная вытесненность ребенка.

Активное переосмысление привычного концепта ребенка заключается в освобождении его подавляемых смыслов — тех, по отношению к которым здравый смысл выступает как механизм контроля. Извратить традиционный концепт ребенка — значит отклонить слово «ребенок» от его ведущего значения: представления о детях как о становящихся взрослыми.

Здравый смысл превозносит ребенка, восхищаясь его неопытностью и невинностью. Но так происходит только при условии, что данность, определяемая словом «ребенок», не угрожает общему порядку здравого смысла. Каждый взрослый ностальгирует по детству, но по сути он ностальгирует по тому, чего у него никогда не было: с самого рождения ему запрещали *быть* ребенком,

он все время лишь *становился* взрослым. Порядок здравого смысла предполагает, что детство существует как отменяемое, как то, что не позволено даже ребенку.

Перверсивность

По Фрейду, ребенок является «полиморфно-перверсным» существом⁹. Этот же термин подходит для определения ребенка в более широком контексте, чем сексуальность. Ребенок еще не усвоил правила и «истинную доктрину», еще не выучил, где добро, а где зло. Но его усиленно этому учат, пытаясь излечить от его естественной перверсивности.

Медицина прошлого, будучи еще не отфильтрованной от предрассудков, обращалась к выводу Фрейда об изначальной перверсивности ребенка с целью дискредитации гомосексуальности, используя его как иллюстрацию того, что она нуждается в терапии (несмотря на то что сам Фрейд не видел необходимости лечения гомосексуальности).

Критика такой логики все еще актуальна: хотя в медицинской сфере гомосексуальность и бисексуальность уже давно перестали считаться патологией, осуждение их остается частью здравого смысла, как и большое количество других предрассудков, которые и конституируют обыденное понимание детства.

По Фрейду, ребенок изначально бисексуален, он еще не сделал свой выбор в пользу гомо- или гетеросексуальности. Более того, он даже не знает, что такой выбор нужно делать.

Отношение к гомосексуальности как к отклонению, нуждающемуся в лечении, объясняется тем, что гомосексуализм взрослого, как и любая другая перверсия, — это задержка в состоянии детства, сексуальная недоразвитость. Отто Фенихель полагал:

Поскольку цели перверсного поведения и инфантильной сексуальности идентичны, возможность каждого человека стать первертом коренится в том факте, что некогда он был ребенком. Перверты — это люди с инфантильной сексуальностью взамен взрослой¹⁰.

9. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. С. 123–201.
10. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М.: Академический проект, 2004. С. 424.

Ребенок — это тот, кто еще не стал нормальным, в отличие от здорового взрослого, которому это уже удалось. Ребенок еще не определился, поэтому ему не свойственно постоянство, тогда как взрослый уже сделал выбор, окончив тем самым процесс поиска. Иными словами, ребенок репрезентирует незафиксированность сексуальной идентичности, в то время как взрослый — ее фиксированность. Фенихель отмечает:

При перверсиях зрелая сексуальность замещается инфантильной сексуальностью. Что-то отталкивающее должно быть во взрослой сексуальности и специфически привлекательное в инфантильной сексуальности. Последний фактор варьирует, а первый остается постоянным¹¹.

Если перенести эту логику размышления из сферы сексуальности в сферу познания (или даже не перенести, а расширить, ведь сексуальная практика может быть интерпретирована как практика познания), то правомерным будет считаться следующее утверждение: взрослый, продолжающий процесс познания, инфантилен, ведь только ребенку свойственна тяга к новому знанию. Взрослому положено знать, а не сомневаться в недостаточности своих знаний.

Взрослый человек уже узнал, что является естественным, и больше познавать ему нечего. Последующее познание и эксперименты, например, с количеством и полом партнеров — это осуждаемые патологии, ведь отведенное для них время уже закончилось.

Тем не менее любое направление психоанализа всегда вынуждено считаться с тем, что каждый взрослый в определенной степени инфантилен:

У всех тем не менее сохраняется некоторая направленность сексуального чувства на однополые объекты как пережиток первоначальной свободы выбора¹².

В линии рассуждений, имеющих целью доказать необходимость лечения гомосексуальности, не остается другой возможности, кроме как считать первоначальную свободу выбора пережитком.

11. Там же. С. 426.

12. Там же. С. 430.

Игра

Взрослый больше не формирует свое мировоззрение; он реализует цели, сформулированные в соответствии с уже устоявшимся мировоззрением. Поэтому он может воспринимать игру только как препятствие на пути к выполнению жизненных задач, как нечто отличное от работы, являющейся целенаправленной полезной деятельностью. В лучшем случае состоявшийся взрослый воспринимает игру как способ укрыться от реальности в вымышленном мире. Ребенок же понимается как существо, делом которого является несерьезное. Игры — то, что конституирует эту сферу.

Чтобы игра воспринималась не как препятствие, требуется другое миропонимание. И чтобы понять какое, нужно обратиться к Ницше, который считает игру высшей формой человеческой деятельности.

Его аллегория о трех превращениях символизирует прогрессивную трансформацию человеческого разума.

Символом первого этапа процесса трансформации является верблюд. Он способен к глубокому почитанию и нагружен тяжестью мертвых заповедей и традиций. Трансформация разума из верблюда во льва символизирует освобождение от этой тяжести. Лев произносит священное «нет» возложенным на него моральным требованиям. Этим он завоевывает себе свободу для создания новых значений. На этом этапе человеческий разум прокладывает путь для возможности игры, то есть для избрательной переработки действительности. Священное «нет» льва — это подготовка поля для игры, избавление от старых значений.

Во время третьего превращения освобожденный разум становится ребенком, который

...есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения¹³.

Ребенок — это тот, кто способен играть. Третье превращение трансформирует не только человеческий разум, но и окружающую его действительность. Она перестает существовать как подлинная, превращаясь в материал для игры.

13. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 19.

Движение игры — это движение от реальности, где значения уже сформированы, к реальности, в которой они только формируются. В «Веселой науке» Ницше описывает последнюю ступень развития разума как состояние «великого здоровья», которое раскрывается в игре:

...идеал духа, который наивно, стало быть, сам того не желая и из бьющего через край избытка полноты и мощи играет со всем, что до сих пор называлось священным, добрым, неприкосновенным, божественным; для которого то наивысшее, в чем народ по справедливости обладает своим ценностным мерилом, означало бы уже опасность, упадок, унижение или по меньшей мере отдых, слепоту, временное самозабвение; идеал человеческого-сверхчеловеческого благополучия и благоволения, который довольно часто выглядит *нечеловеческим*, скажем, когда он рядом со всей бывшей на земле серьезностью, рядом со всякого рода торжественностью в жесте, слове, звучании, взгляде, морали и задаче изображает как бы их живейшую непроизвольную пародию, — и со всем тем, несмотря на все то, быть может, только теперь и появляется впервые *великая серьезность*¹⁴.

Выздоровевший разум способен по-детски играть со всем, что до этого почиталось как священное и считалось неприкосновенным. Мораль им больше не воспринимается всерьез, что позволяет ему подступить к священному, сделав его объектом игры.

Одна из функций здравого смысла — включать в категорию «объективной реальности» огромное количество социальных и культурных конструктов. Игра же создает пространство генерации, в котором эти конструкты разоблачаются как подвергающиеся трансформации. Хотя для игры и необходима объективная реальность, она ей нужна лишь в качестве материала для обработки. Отменяя таким образом объективную реальность, сводя ее к материалу, игра делает возможной генерацию новой реальности.

Помимо окружающей реальности, трансформируемым становится и сам игрок. Чтобы игра стала возможной, участник должен полностью погрузиться в ее контекст, стать частью вымышленного мира, исключившись из объективной реальности. Быть игроком — значит быть способным генерировать нового себя, а для этого необходимо уметь в достаточной степени не всерьез воспринимать себя «настоящего».

14. Он же. Веселая наука // Соч. Т. 2. С. 708.

Игра представляет собой опасность для устоявшегося здравого смысла тем, что всегда остается областью, над которой он не властен. Реальность, генерируемая игрой, не подчиняется моральным законам. Правила игры служат лишь целям самой игры.

Феномен игры наделен потенциалом для размывания границ между сферой серьезного и несерьезного, становящегося детского и завершенного взрослого. Когда эти рамки размыты, вся жизнь превращается в игру, позволяя ее участнику занимать позицию активного интерпретатора. Жизнь, воспринимаемая как игра, в отличие от проживаемой всерьез жизни, не зависит от предвзятительно установленных норм, ценностей и практик. Она функционирует в соответствии со своими внутренними правилами, то есть зависит лишь от реальности, которая была сгенерирована ею самой. Установленные нормы, ценности и практики она использует в качестве игрушек, и это наилучшая участь для продуктов прошлого.

Невинность

Ницшевский образ ребенка и интерпретация феномена игры неразрывно связаны с его концептом невинности.

Ницше-Заратустра возвращает вещам величие, избавляя их от навязанного им предназначения:

Поистине это благословение, а не хула, когда я учу: «Над всеми вещами стоит небо-случай, небо-невинность, небо-неожиданность, небо-задор». «Случай»... возвратил я всем вещам, я избавил их от подчинения цели. Эту свободу и эту безоблачность неба поставил я, как лазурный колокол, над всеми вещами, когда я учил, что над ними и через них никакая «вечная воля» — не хочет¹⁵.

Освобожденные от предназначения вещи, над которыми теперь властен только случай, становятся невинными. Виновность может вменяться вещи лишь в том случае, если предполагается существование некоего верного предназначения, исполняя которое она реализует свою цель. Виновность — это отклонение от этой цели. Чтобы вернуть величие вещам, Ницше-Заратустра освобождает их от вмененной им вины, ведь величие вещей заключается не в исполнении ими своего предназначения, а в их невинности.

15. *Он же*. Так говорил Заратустра. С. 118–119.

Освобождение вещей от предназначения избавляет их от устоявшихся старых интерпретаций, тем самым делая возможными новые интерпретации. Невинность вещей — это такой модус их существования, который делает их пригодными для переосмысления. Это состояние невинности Ницше сравнивает с невинностью ребенка. «Предоставьте случаю идти ко мне: невинен он, как малое дитя!»¹⁶

Как было сказано, для Ницше ребенок — это тот, кто умеет играть. Но способность играть как умение исключать предназначения для него одновременно является проявлением и настоящей зрелости.

Стать зрелым мужем — это значит снова обрести ту серьезность, которую обладал в детстве, во время игр¹⁷.

Особенность серьезности ребенка заключается в его способности воспринимать всерьез то, что заклеено здравым смыслом как несерьезное.

Ребенок — это образ нового начинания, освобождения от виновности, радикального разрыва с тем, что было прежде. Но в то же время все эти характеристики может реализовать лишь по-настоящему зрелый человек.

В представлении Ницше взросление человечества разворачивается как процесс, в котором то, что в прошлом принимали всерьез, начинает восприниматься как игрушка. Чтобы это движение было возможным, человек должен оставаться вечным ребенком:

Вместе с силой духовного зрения и прозрения человека растет даль и как бы пространство вокруг него: его мир становится глубже, его взору открываются все новые звезды, все новые загадки и образы. Быть может, все, на чем духовное око упражняло свое остроумие и глубокомыслие, было только поводом для его упражнения, представляло собою игрушку, нечто, назначенное для детей и детских умов; быть может, самые торжественные понятия, за которые больше всего боролись и страдали, например понятия Бога и греха, покажутся нам когда-нибудь не более значительными, чем кажутся старому человеку детская игрушка и детская скорбь, — и, может быть, тогда «старому человеку» опять понадобится другая игрушка и другая скорбь и он окажется все еще в достаточной мере ребенком, вечным ребенком!¹⁸

16. Там же. С. 125.

17. *Он же*. По ту сторону добра и зла // Соч. Т. 2. С. 295.

18. Там же. С. 58.

Формируемость

В рамках здравого смысла образование ассоциируется с детством, поскольку только ребенок воспринимается как нуждающийся в образовании. Ребенку свойственна незавершенность — и от него не требуют завершенности, от него ожидают формирования.

По-другому дела обстоят со взрослым. Взрослый завершен, он уже обладает всеми необходимыми знаниями и навыками и сделал жизненно важные выборы. К примеру, он уже определился насчет своего пола, сексуальной ориентации, политических убеждений и религиозных воззрений. Его последующая жизнь есть следование этим выборам. Ребенок же еще не закрепился в своих жизненных выборах (иначе: «правильные» выборы еще не были ему навязаны).

Если же человек, будучи взрослым, изменит свой жизненный выбор, то этот шаг будет выглядеть либо предательством своих прежних выборов, либо шагом к раскрытию «настоящего» себя. Оба варианта свидетельствуют о том, что в обыденном восприятии взрослый характеризуется не как процесс, а как завершенность.

В самом начале зарождения привычного для нас сегодня восприятия детства ребенок ассоциировался с бесформенным материалом, которому следует придать некую форму. Эразм Роттердамский писал:

Если природа дала тебе сына, то она дала тебе не больше, чем сырой материал, твоя задача — в чуткую ко всякому обучению материю внести лучший дух¹⁹.

Но эта способность ребенка быть формируемым, его свойство выступать как материал всегда использовались с единственной целью, от которой она не освободилась и до сегодняшнего дня: превращения ребенка в зрелого взрослого, в завершенного человека.

Взрослый — это тот, кто стал настоящим человеком. Ему отказывают в характеристике формируемости — он должен уже быть сформированным.

19. Цит. по: *Меньшиков В.* Педагогика Эразма Роттердамского: открытие мира детства. М.: Журнал «Народное образование», 1995. С. 20.

Деревья растут сами по себе, но они либо не приносят плодов, и лошадь приходит в мир, хотя и мало приспособлена, но человеком, думается, становятся не рождаясь, а воспитываясь²⁰.

По мнению Эразма, тот, кто воспитывает ребенка, должен сам быть в достаточной мере воспитан и образован. Таким образом, люди делятся на две категории: недообразованные недолюди (дети), задача которых — учиться, и свершившиеся люди — образованные взрослые, задача которых — учить. В этой схеме недостает третьей категории: тех, кто учится и меняется всю жизнь.

В здравом смысле нет места для ницшевского восприятия взрослости, понимаемой как состояние ребенка, способного на самомодификацию.

* * *

Ребенок — это последний бастион традиционного сознания. Поэтому неизменность привычного концепта ребенка так старательно им защищается.

Запрет на модификацию традиционного концепта детства проявляется, к примеру, в идее защиты ребенка от вредоносной информации. Ведь только если речь идет о детях, информация может наделяться характеристикой вредоносности, то есть расцениваться как такая, от которой нужно ограждать (в патерналистских обществах так же относятся и к гражданам). Сталкиваясь с тем фактом, что ребенок — это формируемое и познающее существо, традиционному обществу ничего не остается, кроме как ограничивать это познание и направлять формирование до тех пор, пока ребенок не станет ригидным, то есть взрослым.

В российской «Концепции информационной безопасности детей» сказано:

Само обучение есть передача информации. При этом оно связано с множественными рисками, тоже понимаемыми как осознанная необходимость, ибо без свободного выбора полноценное обучение и воспитание невозможно. Только при условии свободного выбора возможно усвоение и осознание основных социальных и личностных ценностей: чувства гражданственности и патриотизма, личной независимости и общественного долга и многих других. Роль информационного образования заключается в том, чтобы направить свободный выбор детей

20. Цит. по: Там же.

в нужное русло, подсказать верный, проверенный многовековым опытом человечества результат²¹.

Отметим, что признание свободы выбора условием полноценного обучения соседствует с утверждением о необходимости этот выбор направлять, что является отменой его свободы. Подобные логические противоречия демонстрируют то сопротивление критическому анализу и, как следствие, переменам, которое характерно для традиционных и общепринятых истин, составляющих здравый смысл.

В разделах 5–7 «Концепции информационной безопасности детей», которые посвящены критериям безопасности детей и опасности информационных продуктов, слово «искаженного» встречается более 60 раз: источник опасности — это все, что формирует *искаженное представление*, то есть переводит значения слов из оседлого в кочевой *пото́с*. Таким образом, этот документ противостоит перверсивности не только на уровне нормативной сексуальности, но и на уровне мышления в целом.

Рассуждая о детстве, современный философ Никита Елизаров пришел к выводу:

Защита детей, под какими бы лозунгами она ни проходила, всегда оказывается цензурой. И это естественно, ведь на эмансипацию способен только информированный субъект. Поэтому невинность детей — это поощряемое невежество: они должны знать только нормативное знание и не должны знать то, что знать плохо. Под прикрытием защиты им отказано в доступе к информации. И это защита не детей, но идеологии²².

В данном случае идеология может пониматься как устоявшийся здравый смысл, который защищает свою стабильность, обезоруживая противостоящую ему силу.

Традиционный концепт ребенка лежит в неэмансипированной, наиболее защищаемой сфере. После развенчания веры в то, что люди с определенным цветом кожи должны быть руководимы людьми с другим цветом кожи и что женщина должна контролироваться и опекается мужчиной, эмансипация детей, которая невозможна без переосмысления и модификации привычного опре-

21. Концепция информационной безопасности детей // Роскомнадзор. URL: https://rkn.gov.ru/docs/Razdel_20_koncepcija_2901.pdf.

22. Елизаров Н. Дети, животные, секс // Опустошитель. 2015. № 16: Инфантилия. URL: <http://pustoshit.com/16/elizarov.html>.

деления слова «ребенок», является следующим шагом глобального эмансипативного движения.

То, что в обыденной жизни считается неизменным и при любых обстоятельствах запрещенным для модификации, — лишь убежище пассивности мышления. Следовательно, то, что в рамках здравого смысла почитается как священное и неизменное, в первую очередь нуждается в реформации.

Процесс перверсии болезнен, так как подвергать традиционное переменам — значит воздействовать на болевые точки. То, что стало пассивным, не может безболезненно стать активным. Но болезненность вопроса сигнализирует о том, в какой степени определенный концепт является инертным и, следовательно, задерживающим социальную эволюцию, по определению несовместимую с радикальным консерватизмом.

Поэтому задача извращения концепта ребенка является сегодня особенно актуальной. Больше того, если речь идет о глобальной эмансипации, традиционный концепт ребенка уже не может оставаться не извращенным.

Важно понимать, что речь идет о концептуальном уровне: эмансипация здесь касается не правового статуса людей маленького размера, именуемых детьми, а способа мышления людей в целом, без какого-либо разделения. Такая эмансипация дает взрослому право быть ребенком, то есть отринуть косность мышления (здравый смысл) и перейти в состояние (само)модификации.

В этом отношении вселяет надежду то, что даже консервативные психоаналитики признают, что «при определенных обстоятельствах каждый человек может стать первертом»²³.

23. Фенихель О. Указ. соч. С. 427.

Библиография

- Kinsey A. C. *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia: Saunders, 1948.
- Делёз Ж. *Логика смысла*. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
- Делёз Ж. *Различие и повторение*. СПб.: Петрополис, 1998.
- Елизаров Н. Дети, животные, секс // *Опустошитель*. 2015. № 16. URL: <http://pustoshit.com/16/elizarov.html>.
- Концепция информационной безопасности детей // Роскомнадзор. URL: http://rkn.gov.ru/docs/Razdel_20_koncepcija_2901.pdf.
- Меньшиков В. Педагогика Эразма Роттердамского: открытие мира детства. М.: Журнал «Народное образование», 1995.
- Ницше Ф. *Веселая наука* // Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
- Ницше Ф. *По ту сторону добра и зла* // Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
- Ницше Ф. *Так говорил Заратустра* // Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
- Фенихель О. *Психоаналитическая теория неврозов*. М.: Академический проект, 2004.
- Фрейд З. *Три очерка по теории сексуальности* // Он же. *Психология бессознательного*. М.: Просвещение, 1990.
- Фуко М. *Theatrum philosophicum* // Делёз Ж. *Логика смысла*. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.

FREEDOM FOR CHILDREN AND PERVERTS!

JULIE RESHE. Professor of Philosophy, Director, Institute of Psychoanalysis,
julie.reshe@gmail.com.

The Global Center for Advanced Studies, 150 Broadway #1208, New York,
NY 10038, USA.

Keywords: child; adult; perversion; common sense; Gilles Deleuze; game; Friedrich Nietzsche; Erasmus of Rotterdam; emancipation.

In popular view, the concept of the “child” is endowed with sacred status. This makes it an ideal candidate for revealing the mechanics of common sense. According to Gilles Deleuze, common sense is a series of solidified and, therefore, unquestionable truths. Psychoanalytically, a child is a “polymorphic and perverse” being. This definition holds not only for sexual matters, but also in the general sense. The etymology of the word “pervert” shows us that it originally meant a turn away from true doctrine and was used in a religious context. The child represents the non-fixity of sexual identity, whereas the adult represents its fixedness: the child is the one who has not yet become normal, while the adult is the one who has. Thus, the child stands against common sense by definition. The opposite is also true: from the common-sense perspective, the child is a transformation from a plastic to a rigid state.

The author of the paper follows Michel Foucault’s appeal to pervert common sense. Using the concept of the child as an example, she shows how to transfer concepts — and the mind that operates with them — from the static *modus operandi* to the state of free and deliberate modification. For this purpose, the author of the paper discusses Friedrich Nietzsche’s concept of play. According to Nietzsche, the child is able to play with the sacred and the sacrosanct. A game’s course makes already formed values malleable. The game thus threatens the settled common sense and remains an area over which the latter has no power.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-5-1-16

References

- Deleuze G. *Logika smysla* [Logique du sens], Moscow, Yekaterinburg, Raritet, Delovaia kniga, 1998.
- Deleuze G. *Razlichie i povtorenie* [Différence et répétition], Saint Petersburg, Petropolis, 1998.
- Elizarov N. *Deti, zhivotnye, seks* [Children, Animals, Sex]. *Opustoshitel'* [Desolator], 2015, no. 16. Available at: <http://pustoshit.com/16/elizarov.html>.
- Fenichel O. *Psikhoanaliticheskaia teoriia nevrozov* [The Psychoanalytic Theory of Neurosis], Moscow, Akademicheskii proekt, 2004.
- Foucault M. *Theatrum philosophicum*. In: Deleuze G. *Logika smysla* [Logique du sens], Moscow, Yekaterinburg, Raritet, Delovaia kniga, 1998.
- Freud S. *Tri ocherka po teorii seksual'nosti* [Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie]. *Psikhologiya besoznatel'nogo* [Psychology of Unconscious], Moscow, Prosveshchenie, 1990.
- Kinsey A. C. *Sexual Behavior in the Human Male*, Philadelphia, Saunders, 1948.
- Kontseptsiiia informatsionnoi bezopasnosti detei [Concept of Children’s Information Security]. *Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media*. Available at: http://rkn.gov.ru/docs/Razdel_20_koncepcija_2901.pdf.

- Men'shikov V. *Pedagogika Erazma Rotterdamskogo: otkrytie mira detstva* [Erasmus of Rotterdam's Pedagogics: Discovery of the World of Childhood], Moscow, Zhurnal "Narodnoe obrazovanie", 1995.
- Nietzsche F. *Po tu storonu dobra i zla* [Jenseits von Gut und Böse]. *Soch.: V 2 t. T. 2* [Works: In 2 vols. Vol. 2], Moscow, Mysl', 1990.
- Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra* [Also sprach Zarathustra]. *Soch.: V 2 t. T. 2* [Works: In 2 vols. Vol. 2], Moscow, Mysl', 1990.
- Nietzsche F. *Veselaia nauka* [Die fröhliche Wissenschaft]. *Soch.: V 2 t. T. 2* [Works: In 2 vols. Vol. 2], Moscow, Mysl', 1990.